Бр Ср

АКАДЕМИЯ НАУК СССР—АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ФИЛИАЛ

Институт истории

Проф. Г. Г. ПИСАРЕВСКИЙ

ЛЕДОВЫЙ ПОХОД РУССКОЙ АРМИИ В 1809 ГОДУ

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АзФАН
Баку—1941

АКАДЕМИЯ НАУК СССР—АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ФИЛИАЛ

Институт истории

Ак от
3157

Проф. Г. Г. ПИСАРЕВСКИЙ

ЛЕДОВЫЙ ПОХОД РУССКОЙ АРМИИ В 1809 ГОДУ

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

EB_1941_AKS_326

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АзФАН

Баку—1941

Напечатано по распоряжению
Президиума Азербайджанского филиала
Академии наук СССР

3157

Когда наша страна ведет Великую Отечественную войну, в которой военные действия захватили почти что все северо-западные окраины, Прибалтику, не мешает вспомнить о героических подвигах русской армии, совершенных в этих местах с лишком сто тридцать лет тому назад.

Борьба за обладание балтийскими берегами, за свободный выход в море для сношений с другими европейскими народами велась русскими в течение нескольких столетий. Главным врагом здесь были шведы. Швеция стремилась к распространению своей власти над жившими к востоку от нее финскими племенами, и в конце концов овладела всей Финляндией и южным побережьем Финского залива, Эстляндией и Лифляндией. После событий крестьянской войны в начале XVII столетия, Россия оказалась совершенно отрезанной от выхода в Балтийское море. Петр I вынужден был 21 год (1700—1721) воевать со шведами, чтобы пробить свободный морской путь в западные страны. Еще задолго до окончания своей победоносной войны, завершившей присоединение к России всего течения реки Невы, Ингрии (впоследствии составившей

Петербурскую губернию), Эстляндии и Лифляндии с прилегающими к ним островами, Петр в 1703 г. в устьях реки Невы на первом завоеванном клочке Балтийского побережья, почти что на расстоянии одного пушечного выстрела от границы, основал г. Петербург, столицу своей империи. Основание административного центра государства на его окраине определило как дальнейшую политику самого Петра, так и его преемников. Петр понимал, что для защиты новой столицы нужны более надежные рубежи и, завоевав г. Выборг в Финляндии, назвал его „крепкой подушкой Петербургу". Но одной этой подушки для спокойного существования столицы было еще недостаточно, нужно было отодвинуть границы государства до его естественных географических рубежей, нужно было овладеть всем восточным побережьем Балтийского моря, и только в этом случае столица не могла ожидать нападения с северо-запада—через Финляндию. Эта задача была выполнена войной 1808—1809 гг., возникшей в связи с общим международным положением в Европе.

В нашу задачу не входит описание всех военных событий этой войны, мы ограничимся лишь изложением одного самого яркого ее события—перехода русских войск весной 1809 г. по льду Ботнического залива и проникновения их в самое сердце Швеции.

В 1808 г. была завоевана вся Финляндия, и, в связи с удачным ходом военных действий, Александр I об'явил ее жителям, что находит себя

вынужденным взять их землю „во владение, под свое покровительство". Финляндия была об'явлена русской провинцией, навсегда присоединенной к империи, хотя мир со шведами еще не был заключен. Чтобы принудить Швецию к формальной уступке Финляндии и заключению мира, и был предпринят ледовый поход в Швецию, который по невероятной трудности природных условий, необычайной выносливости и мужеству участвовавших в нем войск, может быть приравнен к знаменитому переходу Суворова через Альпы.

Для движения за Ботнический залив в Швецию были назначены три отряда. Князь Багратион должен был направиться по льду на Аландские острова, занять их и потом следовать в Швецию, Барклай де Толли—идти через пролив Кваркен на шведский берег к городу Умео, а граф Шувалов—двинуться на север, кругом Ботнического залива, для занятия шведской области Вестработнии.

Трудности похода смущали русских генералов, начальников отрядов, за исключением кн. Багратиона, который на вопрос о мнении его насчет перехода через залив, коротко отвечал: „прикажут—пойдем". Барклай де Толли указывал на малочисленность войска, назначенного для перехода, на недостаточность провианта и патронов и на отсутствие точных инструкций. Относительно последнего пункта военный министр Аракчеев написал ему: „Генерал с Вашими достоинствами в оных и нужды не имеет...

На сей раз я желал бы быть не министром, а на вашем месте, ибо министров много, а переход Кваркена провидение предоставляет одному Барклаю де Толли". Граф Шувалов жаловался на тяжелые физические свойства местности, через которую ему предстояло идти, на широкие реки, через которые нет переправ. Но благодаря настойчивости Александра и присланного им в Финляндию Аракчеева поход состоялся, хотя и с опозданием.

Первым двинулся в путь с финского берега, между Або и Ништадтом, корпус Багратиона, разделенный на пять отрядов, по направлению к острову Кумлингу, которого и достиг 1 марта. Здесь он 3-го марта разделился на две части: первая, бо̀льшая, из 4-х колонн, должна была пойти на большой Аланд и теснить неприятеля, а вторая, состоявшая из одной пятой колонны, обойти острова с юга и ударить в тыл отступающего неприятеля у крайнего, ближайшего к шведской стороне, острова (Сигнальскера). О числе шведов не было достаточно сведений: с ближайших островов жители бежали, а между остальными островами прекратилось всякое сообщение, вследствие сильных мятелей и частой ломки ветрами льда в шхерах. По слухам, у генерала Доббельна, которому шведский король Густав IV приказал во что бы то ни стало отстоять Аланд, было до 6000 успевшего отдохнуть регулярного войска и до 4000 вооруженных крестьян. Берега защищались морской артиллерией. Отряд Багратиона состоял из 17000 солдат всех родов ору-

жия. Солдаты были снабжены полушубками, теплой обувью и теплыми фуражками. Множество саней с припасами, вином и даже дровами двигалось за войсками по ледяным пустынным просторам.

4-го марта к ночи из г. Вазы двинулся со своим отрядом и Барклай де Толли, не дождавшись присоединения шедших к нему подкреплений. В отряде, при выходе из г. Вазы, было всего 3500 человек при шести орудиях. Ширина Ботнического залива в том месте, где приходилось пересекать его отряду Барклая де Толли (пролив Кваркен), сравнительно невелика— около ста верст, но переход его был сопряжен с еще большими трудностями, чем на юге, где двигался Багратион.

Еще до выступления в поход посланные разведочные партии наметили путь следования вехами, но из за громады льдов нельзя было ими пользоваться, колонновожатые сбились с дороги, и пришлось идти по компасу. На дороге сплошь и рядом попадались широкие расщелины треснувшего льда, через которые приходилось переправляться, как через реки, или же делать большие обходы далеко кругом, с опасностью заблудиться. Еще опаснее были малые полыньи, занесенные снегом и потому незаметные. Ледяная поверхность была загромождена навороченными одна на другую бесформенными глыбами льда, между которыми бури нанесли массы непролазного снега. Взломанный бурями и потом смерзшийся лед представлял собою иног-

да целые ледяные горы, громадные гряды, которые надо было или перелезать, карабкаясь, или обходить их в сторону, выбиваясь из обмерзшего снега, проваливаясь в нем по колено и выше. Стояли холода, достигавшие 15 градусов мороза (по Реомюру), и солдаты для отдыха на бивуаках должны были закапываться в снег. Лежавшие на пути острова Кваркена были сплошь необитаемы, представляя собой дикие скалы, лишенные всякой растительности.

Несмотря на эти невероятные трудности, через несколько дней отряд Барклая де Толли был уже на необитаемом острове Вальгорне, лежащем посреди Кваркена. Здесь Барклай выждал оставшихся позади солдат и продовольствие, проведя ночь на бивуаке, в снегу и во льдах.

Тем временем, отряд Багратиона сделал свое дело. При его приближении шведы очищали мелкие острова и отступали к Аланду, но после восьмидневного пребывания на льду передовой отряд Багратионова корпуса, под начальством Кульнева, достиг уже самого крайнего из Аландских островов—Сигнальскера. Победителям досталось 30 пушек, 5 военных судов, богатые магазины и 3000 пленных. Число пленных превышало численность всего Кульневского отряда. Все снежное пространство Аландсгофа было усеяно брошенными неприятельскими повозками, зарядными ящиками и предметами вооружения. Потери русских были весьма незначительны. 7-го марта ночью неутомимый Кульнев оставил остров Сигнальскер и с пятью сотнями казаков, в

том числе одной уральской, состоявшей из отличных стрелков, и с тремя эскадронами Гродненского гусарского полка двинулся к берегам Швеции. В течение восьми часов, перейдя Аландсгоф, он русским „ура“ приветствовал шведские берега. В версте от берега шведские егеря открыли было огонь по русскому отряду, но Кульнев быстрым натиском опрокинул их и прогнал на берег. Здесь, прикрываясь скалами и деревьями, они возобновили стрельбу, но Кульнев выбил их и оттуда и оттеснил к большой дороге на Стокгольм, отстоявший оттуда не далее, как на 100 с небольшим километров.

Прочие части своего небольшого отряда, оставшиеся на льду залива, Кульнев построил между глыбами льда таким образом, что они имели вид многочисленного отряда, и послал в лежащую на берегу гавань Гриссельгамн парламентера с предложением сдаться. При этом жителям было заявлено, что русская армия движется южнее по дороге к шведской столице. Пораженные почти паническим ужасом от неожиданного и, казалось, невероятного появления русских, шведы очистили Гроссельгамн и его окрестности на два слишком километра вокруг и Кульнев поспешил немедленно занять их. О достигнутом блестящем успехе, Кульнев доносил Багратиону в следующих выражениях: „На море мне дорога открыта, и я остаюсь здесь до получения Ваших приказаний“. Здесь Кульнев пробыл до 9-го марта.

Между тем Барклай де Толли с острова

Вальгорна двинулся на лежащий ближе к шведским берегам остров Гадден и, пройдя в течение 12 часов 40 верст по страшным ледяным горам, занял его; в то же время другой отдельный отряд его корпуса двигался на другой, лежащий севернее, остров Гольмен. В ночь на 9 (21) марта с Гаддена Барклай двинулся к шведскому материку и, достигнув его еще до рассвета, расположился бивуаком на льду залива против реки Умео. По словам самого Барклая, „переход был наитруднейшим. Солдаты шли по глубокому снегу, часто выше колен, и сколько ни старались придти заблаговременно, но, будучи на марше 18 часов, люди так устали, что на устье реки принуждены мы были бивуакировать". Здесь войска нашли два купеческих судна, разломали их и получили возможность согреться и есть горячую пищу. На другой день передовая неприятельская цепь была прогнана, отряд продвинулся вперед и остановился в расстоянии одной версты от города Умео. К вечеру того же дня прибыл сюда и отряд, посланный на остров Гольмен и вытеснивший оттуда шведов. Простояв на льду еще три ночи, 12 (24) марта Барклай де Толли атаковал г. Умео и занял его, найдя там много всякого рода запасов и продовольствия.

Таким образом, русские войска, благодаря героическим усилиям и необычайной своей выносливости, в промежуток времени от 7 до 10 марта, появились в двух местах Швеции, отстоявших одно от другого на 500 верст, и угрожали самой шведской столице—Стокгольму.

К Барклаю де Толли прибыл еще один полк, и он мог теперь уделить часть своих сил на помощь Шувалову, который шел от Улеаборга к г. Торнео, чтобы, обойдя Ботнический залив с севера, соединиться с Барклаем на западном берегу. Шувалов теснил шведского генерала Грипленберга с фронта, а особый русский отряд, идя по льду залива, заходил ему с тыла. Грипенберг вынужден был покинуть Торнео и сооруженные там ледяные укрепления. Преследование Грипенберга продолжалось, хотя и не могло быть особенно интенсивным, так как стоял мороз в 27 градусов и действовать оружием было невозможно, Грипенберг просил о перемирии, но Шувалов требовал сдачи. В конце концов 13 (25) марта была подписана в Калликсе конвенция, в силу которой отряд Грипенберга, численностью свыше 7000 человек, положил оружие. Войско это было отпущено с обязательством не сражаться против России в эту войну. Все магазины от Торнео до Умео должны были перейти к русским войскам.

Таким образом, по всем трем направлениям, в каких наступали русские войска, были достигнуты быстрые и поразительные успехи. „Честь и слава", как выразился Кульнев, действительно были в руках. Следовало только немедленным движением остальной части корпуса Багратиона к берегам Швеции и дальнейшим продвижением Барклая де Толли довершить победу и принудить шведов к заключению мира.

Но в решительную минуту Аракчеев, под влия-

нием излишней осторожности, если не сказать трусости, главнокомандующего немца Кнорринга, испугался ответственности в случае неуспеха предприятия и послал в Петербург к Александру I за разрешением дальнейших действий. Столь дорогое в это позднее уже для движений по льду время было безвозвратно потеряно.

Происшедший под угрозой русского нашествия переворот в Стокгольме—низвержение короля Густава IV Адольфа и вступление на престол его престарелого дяди Карла XIII, а затем последовавшие оттуда просьбы о перемирии и даже о мире, подали Аракчееву повод к отозванию русских отрядов из Швеции. Кульнев пробыл там до 9 (21) марта, Барклай де Толли простоял даже до 14 (26) марта, дабы поспешным отступлением не придать отходу вид вынужденного бегства. Русские войска, находясь в Швеции, вели себя образцово. „В их кратковременное пребывание на шведском берегу",—писал Барклай де Толли от 14 марта,—„соблюдали они совершенный во всем порядок, ни один обыватель не имел причины принести ни малейшей жалобы; поведение и дисциплина российского солдата произвели здесь всеобщее удивление. Мне восхитительно было слышать все неисчислимые похвалы сему победоносному войску, со вступлением коего жители полагали быть на век несчастливыми". Губернатор г. Умео, вместе с представителями сословий, со слезами благодарил „за великодушное с ними обращение войска".

Предпринимая мирные переговоры, шведы вов-

се не думали о заключении мира, они хотели лишь затянуть войну, чтобы закончить ее при более благоприятных обстоятельствах. Им тяжело было отказаться от завоеванной уже русскими Финляндии, которую еще Петр I называл „маткой Швеции“: „не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль“, пояснял он в письме к Апраксину. Поэтому военные действия на севере Швеции возобновились; во время их был совершен еще один ледовый переход русских солдат под начальством генерала Алексеева. Было уже 2-ое мая, лед покрылся водой, на берегах зеленела трава. Каждую минуту можно было опасаться, что лед разойдется и погубит смельчаков. Но все обошлось благополучно. Появление русских таким путем было настолько невероятно, что шведский генерал Фурумарк велел арестовать офицера, донесшего ему о приближении русских по льду. Через два дня залив действительно вскрылся. Дальнейший ход военных действий привел, наконец, к заключению 5 сентября 1809 года мира в Фридрихсгаме, по которому Россия получила Финляндию и Аландские острова. Это была последняя война России со Швецией. С тех пор мир между ними не нарушался.

Редактор *И. Гусейнов*

Подписано к печати 25/X 1941 г. 7/16 печ. листа. Тип. знаков в 1 печ. листе 49632. Авт. лист. 1/2. ФГ 15765. Заказ № 3028
Тираж 500.

Типография „Красный Восток“ Баку, ул. Пионера, 80.